

RU

«Архитектура» репрезентации «чужого» в политическом дискурсе Терезы Мэй

Матвеева А. А.

Аннотация. Цель исследования – выявить способы представления понятия «чужой» в политическом дискурсе Терезы Мэй. В статье рассматривается языковая архитектура понятия «чужой» на примере дискурса крупного политического деятеля Великобритании. Исследование выявило три структурных компонента понятия «чужой», репрезентированных в политических выступлениях Терезы Мэй: 1) «чужой» как враг; 2) «чужой» как политический оппонент; 3) «чужой» как политический соратник, в определённой ситуации представший как «чужой». Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые было выявлено и описано градуирование понятия «чужой» в его политической репрезентации, представленное средствами языка. В результате исследования установлено, что иерархия понятия «чужой», вычленяемая из текстов политических выступлений Терезы Мэй, имеет вектор языкового воплощения, направленный от эксплицитных языковых средств к имплицитным. Реализация понятия «чужой» как враг осуществляется исключительно эксплицитно представленными языковыми единицами. Понятие «чужой» как политический оппонент предстаёт преимущественно через имплицитно представленные языковые средства. Понятие «ситуативно чужой» политический соратник» задействует в своей реализации более высокую степень имплицитности.

EN

The “architecture” of “they” representation in the political discourse of Theresa May

A. A. Matveyeva

Abstract. The aim of the investigation is to find out the ways of representing the notion “they” in the political discourse of Theresa May. The article presents the language architecture of the notion “they” by way of example of the discourse of a political leader of Great Britain. Three structural components of the notion “they” represented in Theresa May’s political speeches have been discovered as a result of the investigation. They are: 1) “they” as enemies; 2) “they” as political opponents; 3) “they” as fellow party members who have manifested alienation in a definite political situation. The scientific novelty of the investigation lies in the fact that the gradation of the notion “they” in its political representation rendered by language means has been found out and described. It has been determined as a result of the investigation that the notion “they” represented in Theresa May’s political speeches is expressed by explicit and implicit language units. The notion of “they” as enemies is represented by means of explicitly expressed language units. The notion of “they” as political opponents is represented mainly by means of implicitly expressed language units. The notion of “they” as fellow party members who have manifested alienation in a definite political situation employs a higher degree of implicitness in its realization.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью более тонкого понимания быстро меняющихся, динамичных процессов современной политической реальности. Анализ разновидностей «чужого» и особенностей эксплицитной и имплицитной демонстрации «чужого» и следующие из него выводы дают возможность дополнить фрагменты мозаики политической картины мира с целью более эффективного взаимодействия (а в отдельных ситуациях и противодействия) культур. Исследование дискурса крупного политического деятеля Великобритании (Тереза Мэй являлась премьер-министром Великобритании с 13 июля 2016 года по 24 июля 2019 года, а также занимала должности министра внутренних дел Великобритании, министра по делам женщин и равных возможностей и др.) является действенным средством достижения цели лучшего понимания европейских политических процессов и роли языка в них.

Задачи исследования включают в себя: 1) выявление языковых способов представления понятия «чужой» в политическом дискурсе Терезы Мэй; 2) параметризацию понятия «чужой» в политических выступлениях Терезы Мэй на основании субъекта-носителя смысла «чужести»; 3) построение классификации языковых средств выражения понятия «чужой» в дискурсивном поле выступлений Терезы Мэй в корреляции с субъектом-носителем понятия «чужого».

Материалом исследования послужили 30 политических выступлений Терезы Мэй, произвольно отобранных из полного собрания выступлений Терезы Мэй, размещённых на сайте www.ukpol.co.uk. Выступления Терезы Мэй, отобранные для исследования, охватывают период с 2001 года по 2023 год. В работе также используются материалы из газеты The Guardian за 2000 год (<https://www.theguardian.com>).

Кроме того, к исследованию привлекались сведения из электронных словарей:

- Cambridge Dictionary. <https://dictionary.cambridge.org>;
- Collins English Dictionary. <https://www.collinsdictionary.com>;
- Longman Dictionary of Contemporary English. <https://slovar-vocab.com>;
- Oxford English Dictionary. <https://www.oed.com>.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области общей теории политического дискурса (Dijk, 1995; 2003; Иванова, 2011; Русакова, Максимов, 2006; Туманова, 2023; Хабермас, 2001; Шейгал, 2004), а также труды, посвящённые исследованию политического дискурса Терезы Мэй (Аллахвердиева, 2019; Герасименко, 2024; Колесникова, 2020; Меньшакова, Яцкова, 2021; Попова, Кокорина, 2020).

Выявление языковых способов представления понятия «чужой» в политическом дискурсе Терезы Мэй осуществляется в данной работе с помощью таких общенаучных методов, как анализ, синтез и обобщение, применённых к языковому материалу, а также с помощью таких частнонаучных методов, как метод контекстуального анализа и метод лингвокультурологического анализа. Параметризация понятия «чужой» и построение классификации языковых средств выражения понятия «чужой» в дискурсивном поле выступлений Терезы Мэй осуществляются при помощи методов тематической классификации и систематизации языкового материала, а также сравнительно-сопоставительного метода.

Практическая значимость данного исследования состоит в возможности использования его результатов при анализе политологами современной политической реальности и прогнозировании ими решений и действий современных мировых политиков. Кроме того, материал исследования и его результаты могут быть применены в педагогической практике – при преподавании курсов политической лингвистики, лингвокультурологии, теории и практики межкультурной коммуникации.

Обсуждение и результаты

Проведённое исследование позволило выявить **три компонента «архитектуры» представления «чужого» в политических выступлениях Терезы Мэй**: 1) «чужой» как враг; 2) «чужой» как политический оппонент; 3) «чужой» как политический соратник, ситуативно проявивший признаки «чужести». В роли «чужого» как врага выступают державы (и их политические лидеры), традиционно представляемые как враждебные в политическом дискурсе Великобритании. «Чужой» как политический оппонент представлен членами других, оппозиционных партий. «Чужой» как политический соратник представлен членами партии, к которой принадлежит Тереза Мэй (консервативная партия Великобритании), которые в определённой ситуации проявили поведение, свойственное «чужим», а не «своим». Все компоненты архитектуры представления «чужести» в дискурсе Терезы Мэй обретают разное языковое воплощение.

Выражение **понятия «чужой» как враг** находит отражение в дискурсе Терезы Мэй через совокупность языковых средств: 1) лексемы, содержащие негативную оценку в денотативном компоненте значения; 2) дейктики; 3) языковые средства выражения градации; 4) вербальные репрезентанты социополитических стереотипов; 5) простые, нераспространённые предложения.

Отношение к «чужим» как к врагам в политических речах Терезы Мэй можно наблюдать в адрес России, Ирана и ряда других государств. В качестве **примера 1** можно привести речь Терезы Мэй, которую она произнесла в 2017 году на ежегодном торжественном обеде, устраиваемом мэром Лондона (2017 Speech at Lord Mayor's Banquet. <https://www.ukpol.co.uk/theresa-may-2017-speech-at-lord-mayors-banquet/>).

Выступление Терезы Мэй изобилует лексическими единицами с эксплицитно выраженной негативной семантикой в отношении России и неких других неназванных государств.

Пример 1 (a): *A moment when some states are actively **destabilising** the world order to their own ends, claiming that the rules and standards we have built, and the values on which they rest, no longer apply. / Момент, когда некоторые страны активно дестабилизируют мировой порядок для достижения собственных целей, утверждая, что правила и стандарты, которые мы построили, и ценности, на которых они основываются, более неприменимы (здесь и далее – перевод автора статьи. – А. М.).*

В данном фрагменте используется лексема “destabilise”, содержащая оценочные семы “deprive”, “unstable” (destabilise – to deprive of stability, to render unstable / лишить стабильности, сделать нестабильным) (Oxford English Dictionary).

Помимо лексемы “destabilise” в тексте выступления Терезы Мэй присутствует множество других лексем эксплицитной негативной оценки (“irresponsible”, “erode”, “undermine”, “threaten”, “division”, “tension”, “conflict”, “illegal”, “violate”, “disruption”, “fake”, “hostile” / безответственный, разрушать, подрывать, угрожать,

разделение, напряжение, конфликт, незаконный, нарушать, разрушение, подделка, враждебный). Применённые в своей совокупности в адрес России, а также других государств, название которых не упоминается, данные лексемы отрицательной оценки создают атмосферу не просто «чужеродности» и «инаковости» характеризуемого лица, но враждебности и опасности, делая весомый вклад в реализацию концепции «чужого» как врага».

Наряду с оценочными лексемами в анализируемой речи Терезы Мэй присутствуют дейктики.

Пример 1 (b): *And the comprehensive new economic partnership we seek will underpin our shared commitment to open economies and free societies in the face of those who seek to undermine them.*

Chief among those today, of course, is Russia. /

И новое обширное экономическое партнёрство, над достижением которого мы работаем, станет основой разделяемого нами курса на открытую экономику и свободное общество перед лицом тех, кто жаждет это разрушить.

Среди них, прежде всего, следует назвать Россию.

Неоднократное повторение дейктического местоимения “those” при общем контексте опасности и угрозы, создаваемом оценочными средствами (“undermine”, “threaten”), позволяет сделать вывод, что контекстуальное значение дейктика “those” в данном политическом выступлении выходит за рамки стандартного значения местоимения “those” как множественного числа местоимения “that” (those – plural of that (Cambridge Dictionary)), где “that” имеет значение “used to refer to something or someone that has already been talked about or seen” (Cambridge Dictionary) / «используемый для отнесения к чему-либо или кому-либо, о чём ранее упоминали или что ранее видели». В данном контексте дейктик “those” создаёт отстранение и отчуждение, что в совокупности с другими языковыми средствами способствует репрезентации «чужого» как врага.

На создание образа «чужого» как врага в анализируемом выступлении Терезы Мэй работает и постепенное сгущение напряженности, выражаемое языковыми средствами.

Пример 1 (c): *...some states are actively destabilising the world order...*

...those who seek to undermine them.

Chief among those today, of course, is Russia. /

...некоторые государства активно дестабилизируют мировой порядок...

...те, кто жаждет их разрушить.

Среди них, прежде всего, следует назвать Россию.

Выстраиваемая цепочка “some” – “those” (в комбинации с единицей “undermine”) – “those” (в комбинации с лексемой “chief”) производит эффект градации. Под градацией в данной работе понимается «стилистическая фигура, заключающаяся в последовательном нагнетании или, наоборот, ослаблении сравнений, образов, эпитетов, метафор и других выразительных средств художественной речи» (Плотникова, 2015, с. 53). Градация в данном выступлении Терезы Мэй участвует в создании образа «чужого» как врага.

В своём выступлении Тереза Мэй повторяет и тем самым закрепляет формируемые в западном обществе социополитические стереотипы. Опираясь на определения стереотипа Н. Ф. Алефиренко (2014, с. 13), В. Г. Крысько (2002, с. 133), В. Е. Глызиной, В. А. Косякова, А. А. Шубиной (2024, с. 349), видится возможным предложить собственное определение социополитического стереотипа как схематизированного представления «чужой» (реже: «своей») социополитической общности, отражающего упрощённое (иногда: искажённое) мнение о данной общности и содержащего эмоциональную или рациональную оценку.

Пример 1 (d): *It (Russia) is seeking to weaponise information. Deploying its state-run media organisations to plant fake stories and photo-shopped images in an attempt to sow discord in the West and undermine our institutions. / Она (Россия) стремится превратить информацию в оружие. Задействуя управляемые государством медиаресурсы, которые распространяют лживые истории и скорректированные посредством фотошопа фотографии, в попытке посеять раздор на Западе и подорвать наши институты.*

Данный фрагмент изобилует стереотипами. Словоупотребления «использовать информацию как оружие» (weaponise information), «распространять лживые новости» (plant fake stories), «распространять скорректированные посредством фотошопа фотографии» (plant photo-shopped images), «сеять раздор» (sow discord), «подорвать западные институты» (undermine institutions) дают чрезвычайно упрощённое и искажённое представление о стране (России) и способствуют формированию образа «чужого» как врага.

Обращает на себя внимание фрагмент речи, в котором Тереза Мэй делает «условное» обращение к России (российских представителей нет на банкете — данное обращение преследует внутривнутриполитические цели). В нём присутствует «рубленный» синтаксис – краткие, отрывистые предложения, контрастирующие с богатым, сложным синтаксисом обращений к «своим».

Пример 1 (e): *So I have a very simple message for Russia.*

We know what you are doing. And you will not succeed. Because you underestimate the resilience of our democracies, the enduring attraction of free and open societies, and the commitment of Western nations to the alliances that bind us. /

Итак, у меня очень простое послание к России.

Мы знаем, что вы делаете. И вы не достигнете успеха. Потому что вы недооцениваете запас прочности наших демократий, устойчивое притяжение открытых и свободных обществ и приверженность западных наций к союзам, которые нас связывают.

Упрощённый синтаксис (*we know what you are doing; you will not succeed*) в данном фрагменте речи премьер-министра имеет целью примитивизировать виртуального оппонента, формируя впечатление, что это единственная форма языкового представления, которую противник способен понять. Соответственно, создаётся образ простого, грубого и примитивного «чужого», что делает значительный вклад в воплощение концептуальной архитектуры «чужого» как врага. Поскольку выступление ориентировано в первую очередь на внутреннюю

аудиторию – внутривнутриполитических соратников и конкурентов, речевая тактика упрощения синтаксиса для примитивизации «чужого» как врага помогает Терезе Мэй в конструировании собственного образа как защитника западного общества и, тем самым, позволяет набрать политические «очки».

Выражение понятия «**“чужой” как политический оппонент**» отражается в дискурсе Терезы Мэй через иные языковые средства, чем выражение понятия «чужой» как враг». К языковым средствам построения концептуальной архитектуры «чужой» как политический оппонент» относятся: 1) имплицитная негативная оценка; 2) имплицитное противопоставление; 3) ирония; 4) аллюзия.

Поскольку Тереза Мэй является представителем партии консерваторов, вербальную реализацию концепции «чужой» как политический оппонент» можно наблюдать в политических выступлениях Терезы Мэй по отношению к оппозиционным партиям и их представителям – лейбористам и либеральным демократам.

Для выражения идеи «чужой» как политический оппонент» Тереза Мэй задействует имплицитную оценку, которая закладывается в содержательно-подтекстовую информацию её выступлений. Одним из наиболее распространённых речевых приёмов Терезы Мэй является противопоставление. Противопоставление представляет собой действенный механизм имплицитной экстраполяции сравниваемых политиков/партий на шкалы «хороший – плохой» и «свой – чужой». В качестве *примера 2* можно привести речь Терезы Мэй, которую она произнесла в 2023 году по поводу официального обращения к его Величеству (Speech on the Loyal Address. 2023. <https://www.ukpol.co.uk/theresa-may-2023-speech-on-the-loyal-address/>).

Пример 2 (a): *I am sorry that the hon. Member for Mid Bedfordshire (Alistair Strathern) is no longer in his seat. I wanted to take the opportunity to welcome him to the House, despite the fact that I worked to make sure he did not get here.* / Мне жаль, что почётный член парламента от Среднего Bedfordшира (Алистер Стратерн) более не занимает своё место. Я хотела воспользоваться возможностью поприветствовать его в Палате Общин, невзирая на тот факт, что я приложила все усилия, чтобы его здесь не было.

В данном отрезке речи Тереза Мэй противопоставляет декларируемое ею намерение поздравить политика лейбористской партии Алистера Стратерна с его избранием в Палату Общин своему утверждению о том, что она приложила усилия для того, чтобы воспрепятствовать этому. Данное противопоставление выявляет специфику иронии, присущей политическим выступлениям Терезы Мэй (в данной работе принимается определение иронии в её традиционном понимании как языкового средства, «в основе которого лежат скрытая насмешка и несоответствие буквального смысла и подразумеваемого» (Земчихина, 2018, с. 156)). Ирония Терезы Мэй является сложноорганизованной, «дистантной», задействующей противопоставление как механизм и требует от адресата умение анализировать контекст и вычленять из него скрытую информацию. Иронии, заключающейся в использовании лексем, контекстуальный смысл которых противоположен словарному смыслу, Тереза Мэй предпочитает «дистантную» иронию, состоящую в использовании противоположных по смыслу синтаксических фрагментов, отдалённых друг от друга в дискурсивном пространстве. В итоге, смысл предложения меняется на противоположный по отношению к заданному смысловому вектору в начале предложения, например, *I wanted to welcome him here → I wanted he did not get here.*

Ещё более тонким механизмом реализации смысла «чужой» как политический оппонент» в политическом дискурсе Терезы Мэй служит самоирония. Самоирония позволяет Терезе Мэй презентовать себя при выступлении от лица партии консерваторов как человека, способного к самокритике, рефлексизирующего, умеющего посмеяться над собой, при этом очень тонко, завуалированно наводя адресатов политических выступлений на мысль об отсутствии подобных качеств у представителей оппозиционных партий, в первую очередь лейбористов. Специфика самоиронии Терезы Мэй заключается также в том, что собственные недостатки, которые она, на первый взгляд, высмеивает, оказываются в конечном итоге благодаря грамотному подбору сопутствующих языковых средств и контекстуальному фону поданными как достоинства и высвечивают Терезу Мэй лично и партию консерваторов, которую она представляет, в выгодном ракурсе, способствуя получению политических «дивидендов».

Пример 2 (b): *I am not sure whether that connection will do more damage to his career or mine. In case hon. Members are wondering about the family, we share a relative who, I am told, toyed with communism in his youth and another relative – my cousin, the hon. Member's uncle – who was the former Liberal Democrat leader of Brighton and Hove City Council, so we cover all bases.* / Я не уверена, чьей карьере эта связь нанесёт больший вред: его или моей. Если почётным членам парламента интересны некоторые сведения о моей семье, то у нас (с Алистером Стратерном) есть общий родственник, который, как мне говорили, заигрывал с коммунизмом в юности, и ещё один родственник – мой двоюродный брат, дядя почётного члена – который ранее возглавлял городской совет Брайтона и Хоува от партии либеральных демократов, так что мы отличились по всем фронтам.

В первом предложении фрагмента речь идёт об Алистере Стратерне, который является двоюродным братом Терезы Мэй. Тереза Мэй – член партии консерваторов; Алистер Стратерн – член партии лейбористов. Тереза Мэй отмечает, что не знает, окажет ли данный факт более пагубное воздействие на её карьеру или карьеру Стратерна. Во-первых, данное высказывание Терезы Мэй иронично по своей сути – родство с видным политиком, членом парламента (пусть даже и от оппозиционной партии) не только не может повредить карьере, но, напротив, создаёт образ политической династии, предполагая ум, энергичность, амбициозность её представителей. Во-вторых, использование лексемы “damage” в данном контексте (damage – injury, harm; esp. physical injury to a thing, such as impairs its value or usefulness (Oxford English Dictionary) / повреждение, ущерб, особенно физическое повреждение вещи, которое негативно отражается на её ценности или способности приносить пользу) явно предполагает ироническую гиперболу.

Во второй части анализируемого фрагмента самоирония Терезы Мэй носит многоступенчатый характер. Во-первых, Тереза Мэй даёт ответ членам парламента на вопрос, который они не задавали (*in case hon. Members are wondering about the family*), тем самым создавая впечатление открытости и готовности обсуждать вопросы, касающиеся своей семьи. Во-вторых, Тереза Мэй рассказывает о «недостатках» членов своей семьи. Ирония ситуации заключается в том, что, по существу, данные «недостатки» являются достоинствами: один из членов семьи – член парламента от лейбористов; другой член семьи – крупный политический деятель от партии либеральных демократов. Таким образом, Тереза Мэй показывает свою верность партии консерваторов (однопартийцы являются «своими», а родственники-инопартийцы – «чужими») и демонстрирует свою способность к самоиронии. С ещё одним «недостатком», касающимся членов своей семьи, Тереза Мэй обращается более аккуратно (*we share a relative who, I am told, toyed with communism in his youth*). Понятие «коммунист» несёт негативную идеологическую коннотацию в англоязычной лингвокультуре, поэтому признание о родственнике-коммунисте снабжается рядом смягчающих маркеров: “*I am told*” – маркер дистанцированности; “*toyed with*” – передача семантики несерьёзности увлечения родственника коммунизмом; “*in his youth*” – отнесение события к прошлому.

Помимо формирования впечатления собственной открытости и готовности обсуждать семейные «проблемы», Тереза Мэй посредством закладываемого ею на уровне содержательно-концептуальной информации имплицитного противопоставления себя и своего двоюродного брата способствует созданию у адресатов своей политической речи впечатления, что Алистер Стратерн не готов к проявлению подобной открытости, самокритики и самоиронии. Таким образом, имплицитное противопоставление и самоирония становятся яркими выразителями понятия «чужой» как политический оппонент».

Ещё одним способом выразить понятие «чужой» как политический оппонент» в дискурсе Терезы Мэй является аллюзия. Аллюзию можно наблюдать в политической речи Терезы Мэй, произнесённой ею в 2001 году на весеннем форуме партии консерваторов (Speech to Conservative Spring Forum. 2001. <https://www.ukpol.co.uk/theresa-may-2001-speech-to-conservative-spring-forum/>) (*пример 3*):

Пример 3 (а): *Labour are all spin and no delivery.* / Лейбористы создают имитацию бурной деятельности.

Словосочетание “*all spin and no delivery*” отсутствует в словарях (Oxford English Dictionary, Cambridge Dictionary, Collins English Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English). На первый взгляд кажется, что фраза “*all spin and no delivery*” – это метафорический неологизм, созданный Терезой Мэй, чтобы посредством данной критической характеристики партии лейбористов выразить идею их «чужести» партии консерваторов. Но в действительности метафора “*all spin and no delivery*” была впервые употреблена 7 декабря 2000 года лидером партии консерваторов в то время Уильямом Хейгом. С помощью данного словосочетания Уильям Хейг охарактеризовал деятельность лейбористов и действующего на тот момент премьер-министра Тони Блэра:

Пример 3 (b): *Tony Blair was last night accused of arrogance in offering a “thin” legislative programme aimed purely at securing good press coverage in the run-up to an expected May general election.*

In a boisterous response to the Queen’s speech, the Tory leader William Hague told the prime minister the speech was a thousand words long but could be summed up in the single sentence: “All spin and no delivery” (The Guardian. 2000. <https://www.theguardian.com/politics/2000/dec/07/uk.labour/>.)

Прошлым вечером Тони Блэра обвинили в высокомерии из-за того, что он предложил «скудную» законодательную программу, направленную только на обеспечение хорошего освещения в прессе в преддверии ожидаемых майских всеобщих выборов.

Бурно реагируя на речь королевы, лидер тори Уильям Хейг сказал премьер-министру, что речь длиной в тысячу слов может быть сведена всего лишь к одному предложению: «Имитация бурной деятельности».

Поэтому использование Терезой Мэй фразы “*all spin and no delivery*” можно считать аллюзией к данному выражению в речи Уильяма Хейга. Данное высказывание можно отнести к социумно-прецедентным высказываниям, так как оно фигурирует в речи представителей партии консерваторов по отношению к партии лейбористов. Также фразу “*all spin and no delivery*” можно считать маркером «чужого», общим для консерваторов Великобритании.

К языковым средствам конструирования понятия «чужой» как политический соратник, ситуативно проявивший признаки «чужести», в дискурсе Терезы Мэй относятся: 1) имплицитная негативная оценка; 2) имплицитный упрёк; 3) риторический вопрос; 4) идиоматические выражения.

В качестве *примера 4* можно привести фрагменты речи Терезы Мэй 2023 года по поводу официального обращения к его Величеству (Speech on the Loyal Address. 2023. <https://www.ukpol.co.uk/theresa-may-2023-speech-on-the-loyal-address/>).

Пример 4 (а): *...I was surprised to receive an email in the name of my right hon. Friend the Prime Minister, sent out, I think, by the Conservative party, that read:*

“From net zero to HS2, smoking to education, we are going to tackle the challenges that other politicians have been afraid to even talk about.”

Since I read that, I have been racking my brains as to which Prime Minister put net zero in 2050 into legislation. Answers on a postcard, please. /

Я была удивлена, получив электронное письмо от имени distinguished премьер-министра, разосланное, как я думаю, консервативной партией, которое гласило:

«От нулевых выбросов углекислого газа до строительства высокоскоростной железной дороги HS2, от решения проблем курения до решения проблем образования, мы намерены справиться с такими вызовами, о которых другие политики боялись даже говорить».

С тех пор, как я прочитала это, я ломаю голову, какой же премьер-министр заложил в законодательство достижение нулевых показателей выбросов углерода к 2050 году. Не просветите?

В данном отрывке обсуждается электронное письмо от имени действующего на тот момент премьер-министра Великобритании, представляющего партию консерваторов, Риши Сунака, разосланное членам парламента консерваторами. В нём говорится о планах правительства Риши Сунака достичь нулевого целевого показателя по нетто-выбросам в окружающую среду, а также решить ряд других важных для страны вопросов. При этом в письме выбрана амбициозная форма презентации планов правительства Риши Сунака как намерение справиться с такими вызовами, о которых другие политики боялись даже говорить. Это стало проявлением неуважения к Терезе Мэй со стороны однопартийцев, поскольку именно правительство Терезы Мэй в 2019 году приняло закон о нулевых показателях выбросов углерода к 2050 году. Недоумение и обида Терезы Мэй в адрес «своих», которые проявили в данной ситуации поведение, свойственное «чужим», приобрели ряд вербальных репрезентаций. Прежде всего, это имплицитная негативная оценка, завуалированно представленная в форме словосочетания, выражающего удивление (*I was surprised*). Помимо отрицательной импликации, данная фраза содержит мягкий упрёк. Также Тереза Мэй использует ироническую гиперболу (*Since I read that, I have been racking my brains*). Очень мягкое и тактичное выражение отчуждения передано Терезой Мэй через содержащий иронию риторический вопрос (*which Prime Minister put net zero in 2050 into legislation*). Несколькими более жёстким выражением отчуждения служит ироничное использование идиомы “*answers on a postcard, please*”.

Можно отметить, что выражение **понятия «чужой» как политический соратник, ситуативно проявивший признаки «чужести»**, в политическом дискурсе Терезы Мэй представляет собой мягкое увещевание «своих», которые проявили себя в той или иной ситуации как «чужие». Все способы выражения отчуждения являются в таком случае имплицитными.

Сравнивая языковые средства, задействованные Терезой Мэй для выражения всех трёх компонентов «архитектуры» представления «чужого»: 1) «чужой» как враг; 2) «чужой» как политический оппонент; 3) «чужой» как политический соратник, ситуативно проявивший признаки «чужести», – можно сделать вывод, что данная языковая архитектура выстраивается от эксплицитного к имплицитному способу воплощения понятия «чужой». От дейктиков и лексем с семами отрицательной оценки языковая презентация понятия «чужести» в политическом дискурсе Терезы Мэй доходит до импликации негативной оценки, имплицитного противопоставления, использования аллюзий и прецедентных феноменов, риторических вопросов.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Понятие «чужой» в политическом дискурсе Терезы Мэй обретает выражение посредством комплекса языковых средств. Данные средства включают в себя оценочные лексемы, дейктики, языковые средства выражения градации, вербальные репрезентанты социополитических стереотипов, использование простых, нераспространённых предложений, противопоставление, иронию, аллюзию, средства выражения упрёка, риторические вопросы, идиомы. Выражение понятия «чужой» в дискурсе Терезы Мэй является как явным (эксплицитным), так и скрытым (имплицитным).

2. Представление «чужого» в политических выступлениях Терезы Мэй имеет три аспекта параметризации: 1) «чужой» как враг; 2) «чужой» как политический оппонент; 3) «чужой» как политический соратник, ситуативно проявивший признаки «чужести». «Чужой» как враг представлен в дискурсе Терезы Мэй государствами (их политическими лидерами и народами), которые не идут в русле западной политики. «Чужой» как политический оппонент представлен членами других, оппозиционных партий Великобритании. «Чужой» как политический соратник представлен членами партии, к которой принадлежит Тереза Мэй (консервативная партия Великобритании), которые в определённой ситуации проявили поведение, свойственное «чужим», а не «своим».

3. Все три компонента архитектоники «чужого» в политическом дискурсе Терезы Мэй обретают разное языковое воплощение. При движении от выражения понятия «чужой» как враг к понятию «временно/ситуативно “чужой” политический соратник» можно наблюдать динамику языковых средств от эксплицитных (например, лексемы, в денотате которых заложена негативная оценка, или дейктики) к всё более и более тонкой импликации (например, ирония, аллюзия, риторический вопрос). Можно определить данную динамику, как требующую от адресата более глубокого погружения в контекст при восприятии репрезентированных понятий «чужой» как политический оппонент» и «чужой» как политический соратник». Рецепция репрезентированного понятия «чужой» как враг» требует принятия содержательно-фактуальной информации. Рецепция репрезентированных понятий «чужой» как политический оппонент» и «временно/ситуативно “чужой” политический соратник» требует вычленения содержательно-подтекстовой информации, а иногда и анализа содержательно-концептуальной информации.

Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении других концептуальных структур как дискурса Терезы Мэй, так и дискурса других политических деятелей Европы и мира. Сравнительно-сопоставительный анализ особенностей политического дискурса разных представителей также может предоставить материал для будущих исследований.

Источники | References

1. Алефиренко Н. Ф. Методологические аксиомы и гипотезы современной лингвокультурологии // Филология и культура. 2014. № 4 (38).
2. Аллахвердиева А. М. Особенности политического дискурса Терезы Мэй // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 6 (822).
3. Герасименко И. В. Вариативность стратегий британского политического дискурса в выступлениях Терезы Мэй // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2024. Т. XXI. Вып. 1.
4. Глызина В. Е., Косяков В. А., Шубина А. А. Речевой стереотип в диалогическом взаимодействии // Казанская наука. 2024. № 4.
5. Земчихина Л. С. Ирония: к проблеме определения // Наука и школа. 2018. № 6.
6. Иванова С. В. Политический дискурс и культурное кодирование: детонирование культурных кодов (на материале политического дискурса США) // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36).
7. Колесникова Н. Л. Коммуникативные стратегии в дискурсивной практике Терезы Мэй (на примере кампании по выходу Великобритании из ЕС) // Медиалингвистика. 2020. № 7 (1). <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.106>
8. Крысько В. Г. Этническая психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002.
9. Меньшакова Н. Н., Яцкова С. С. Современный британский политический дискурс: афористика в риторике Терезы Мэй // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 2.
10. Плотникова М. В. Градация в оригиналах и переводах поэтических текстов // Сопоставительная лингвистика. 2015. Вып. 4.
11. Попова Т. Г., Кокорина Т. А. Речевой портрет Терезы Мэй: вербально-семантическая составляющая // Политическая лингвистика. 2020. № 5 (83).
12. Русакова О. Ф., Максимов Д. А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. Политические исследования. 2006. № 4. <https://doi.org/10.17976/jpps/2006.04.04>
13. Туманова Е. О. Политический дискурс как метадискурс в таксономии дискурсивных практик (лингвистический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 3. <https://doi.org/10.30853/phil20230140>
14. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. А. Скляндера. СПб.: Наука, 2001.
15. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
16. Dijk T. A. van. Discourse Semantics and Ideology // Discourse & Society. 1995. Vol. 6 (2).
17. Dijk T. A. van. Political Discourse and Ideology // Doxa Comunicación. Revista Interdisciplinaria de Estudios de Comunicación y Ciencias Sociales. 2003. Núm. 1. <https://doi.org/10.31921/doxacom.n1a12>

Информация об авторах | Author information

Матвеева Анна Анатольевна¹, к. филол. н., доц.
¹ Уфимский университет науки и технологий

Anna Anatolyevna Matveyeva¹, PhD
¹ Ufa University of Science and Technology

¹ annaufa@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 16.08.2024; опубликовано online (published online): 30.09.2024.

Ключевые слова (keywords): политический дискурс Терезы Мэй; политическая репрезентация понятия «чужой»; иерархия понятия «чужой»; эксплицитные языковые средства; имплицитные языковые средства; political discourse of Theresa May; political representation of the notion “they”; hierarchy of the notion “they”; explicit language means; implicit language means.